

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ С. АБРАМОВА
«ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗДЫ»)**

В. М. Касьянова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Российская Федерация

E-mail: vkasianova@mail.ru

В статье дается речевой портрет героини повести С. Абрамова «Человек со звезды» (1990). Раскрываются особенности ее речевого поведения, приводятся примеры лексико-фразеологических единиц, определяющие своеобразие речевого поведения, показывается преломление в речи типичных формул речевого этикета, свойственных русскому литературному языку.

Ключевые слова: речевой портрет, речевое поведение, речевой этикет, лексика и фразеология русского языка, художественная литература.

Каждый человек обладает индивидуальным речевым опытом, который отражается в его личном словаре, позволяя создавать собственные высказывания и определенным образом реагируя на высказывания участников коммуникации. Такую «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [1] принято называть языковым портретом личности.

Особый интерес вызывают речевые портреты не только реальных лиц (политиков, общественных деятелей, актеров), но и литературных персонажей, позволяющие воссоздать определенные временные пласты, увидеть своеобразие духовного и нравственного состояния представителей конкретной эпохи.

В *городской фантазии* Сергея Абрамова (именно такой подзаголовок носит его повесть «Человек со звезды» ([2], адресованная подросткам 13-15 лет), повествование ведется от лица главной героини – Зои Александровны, или проще, Зойки – женщины с высшим гуманитарным образованием, старшего администратора гостиницы. Речевой портрет Зойки представляет большой интерес, хотя бы потому, что является своеобразным слепком с молодежной речи, хотя разница между возрастом потенциальных читателей журнала и героиней повести как минимум 5-7 лет. Окружающий мир, происходящие в нем события нарисованы с помощью тех лексических единиц, слов и выражений, которые использовала бы сама Зойка при пересказе данных событий своим друзьям и сверстникам. Речевой портрет героини отражает основные черты речевого поведения деловой женщины конца 80-х гг. XX века.

1. Особый тон повествования задается при помощи широкого включения известных фразеологизмов разговорного или просторечного характера, что определяет общий иронический стиль повести (все страницы даются по указанному в библиографии изданию): *Ну кто ее за язык тянул? (63); День какой-то сумасшедший выпал, врагу злomu не пожелаешь (49); Рывкнула: – Кончайте нести чушь! – и пошустри-ла к огоньку (64); Там работают, а не ля-ля разводят (64); Самый терпеливый партнер на стенку полезет от такого перебора (60) и др.*

Значительно реже фиксируются в повести фразеологизмы старославянского происхождения, относящиеся к книжному стилю речи: *Он почти орал, ручонки горе воздев (85); На ладан дышащая родная железка (90); Для Свена такой комплимент должен был бальзамом на душу пролиться (67).*

Общий же колорит «молодежности» придает абрамовской повести обилие современных фразеологизмов, часто смыкающихся с просторечием, сленгом, даже с блатным жаргоном: *Зойка помалкивала в тряпочку (80); Вали отсюда по холодку (86); Там человек концы отбрасывает (52); На том и крыша поехала (63); Увы, послала бы его на три русские буквы (59) и др.* Подобные не менее яркие фразеологизмы органично входят в речь Зои Александровны, переводчика по

профессии и человека, безусловно, владеющего нормами современного русского литературного языка.

Интересны стилистические контрасты, возникающие в результате употребления в одном предложении слов и фразеологизмов, относящихся к разным стилистическим пластам русского языка: *Но вот сумасшедших-то у нас в державе – пруд пруди* (62); *Людей, способных на поступок, в нашей державе – с гулькин нос* (52).

Другой особенностью использования фразеологизмов является их комментирование, часто вложенное в уста Зойки, или же трансформация за счет включения новых или замены традиционных компонентов: *Инопланетянин с рыбкиной кровью* (88); *Менять решения на скаку* (58); *Героиня оказалась дамой с крепкой психикой, с ума не слезла* (62); *И елки увидеть, и палки, и речку впереди* (78); *На собраниях рвет на груди ливрею* (51) и др.

Интересен и такой прием усиления значения фразеологизма, как включение в него лексических единиц, однородных по своему смысловому признаку с одним из компонентов фразеологического оборота: *Глазами ее колет-сверлит-буравит* (57) (даже правописание подчиняется авторскому замыслу!); *Свена этого мороженого надо гнать в три шеи, нет – в четыре, в десять шей* (57) (нагнетание числительных показывает отчаянную решительность Зои Александровны).

2. Пословиц и поговорок в речи героини гораздо меньше, чем фразеологизмов, и в основном они принадлежат к хорошо известным и нейтральным в стилистическом отношении: *Ладно, побеседовали, – пора и честь знать* (85); *Завтра, завтра – не сегодня* (61); *Сытый человек – добрый человек* (60). Единичен пример редуцирования пословицы: *После драки – кулаками, вот* (59).

Так же, как и фразеологизмы, пословицы в ряде случаев дополняются комментарием, придающим повествованию иронический оттенок: *Общеизвестно: молчание – золото. Не потому ли и руль у нас золотым запасом не обеспечен, что разменяли мы наше молчание на медные пяточки?* (68); *Зарплата – кот наплакал, а пошлый этот зверь скуп на слезы* (54); *Кесарю – кесарево, а Зойке, выходит, – Зойкино...* (53) и др.

3. Часто в речи героини повести используются и трансформированные прецедентные тексты: цитаты, крылатые слова, лозунги, призванные оттенить комичность происходящего или несерьезное к нему отношение со стороны действующих лиц (подобное употребление представлялось совершенно немислимым даже в 80-е гг., тем более в журнале, предназначенном для подростков): *А мы, Свен, рождены, чтоб сказку сделать былью!* (83) (речь идет о том, чтобы наполнить

реку водкой вместо воды); *Швейцар... караулил стеклянные двери с фотоэлементом, чтобы враг не прошел, а друзей нам и даром не надо* (74) (ср. лозунг «Враг не пройдет!» времен Великой Отечественной войны); *...Летящей походкой по Шереметьевской, – к гнездовью так-сомоторов, к свободе, к свету* (64) (ср. М. Горький «Песня о Соколе»); *Кто там шагает правой? Не надо...* (72) (ср. Маяковский «Левый марш»); *На том стоим, и никто пути пройденного у нас не отберет* (80); *Громыхал товарняк, который вез колбасу от Москвы до самых до окраин* (89) и др. Характерно и отсутствие кавычек во всех приведенных примерах.

Встречаются в повести и трансформированные высказывания из Библии, также не выделяемые кавычками: *Не пожелал жены ближнего своего, ни вола его, ни автомобиля, ни хаты, ни видюшника* (73).

Откровенный сарказм звучит в предложениях, где упоминаются пионерские лозунги: – *Я готов. – Ну, прямо юный пионер, значит, первый!* (63); *Свен уселся ровненько, руки на колени положил – ну, прямо пионер-всем-детям-пример* (56) (во втором примере лексема *всем-детям-пример* является фактически сложным существительным, на что указывают и дефисы между отдельными компонентами).

Аллюзия на известную детскую сказку звучит в следующем высказывании Зойки: *Мы живем в большой стране дураков, Свен, а вы нам хотите поле чудес всучить* (83). К большому сожалению, с легкой руки писателей и журналистов номинация *страна дураков* по отношению к СССР стала весьма частотной, особенно в речи молодого поколения.

Иронией сопровождаются и прецедентные имена эпохи СССР: *Увидел начальницу, Матросовым под фотоэлемент влез* (51); *Зойка опять накалилась, как лампочка Ильича* (88).

4. Крушение идеологических постулатов отразилось в использовании С. Абрамовым традиционных для той эпохи газетных штампов: *Каким, к черту, светлым оно (будущее) будет, если у строителей урчит в животе?* (72); *Коллектив одобряет как один* (94); *Зато партия в который раз торжественно провозглашает* (87); *Впору применить к ней (уфологии) известный по другим наукам термин – продажная девка империализма* (62); *Ни пяди родной земли не отдадим инопланетным агрессорам* (58); *Нечто вредное, что отвлекает трудящихся Запада от каждодневной классовой борьбы* (62) и др. При этом, как видно из примеров, часто отмечается стилистическая неоднородность, нарочитое соединение просторечий и жаргонизмов с фразеологизмами, характерными для книжного или газетного метаязыка, что приво-

дит к резкому снижению заложенного изначально пафоса и созданию иронического эффекта.

5. Значительно в речи героини повести и количество варваризмов – иноязычных вкраплений, большей частью транслитерированных англицизмов: *стармен, супермен, билдинг, драг, кар, сэр, имидж, триллер, чуингам, пипл, мен, оушен, дансинг, офис, супермаркет, скейтингринг, бич* и др. Примечательно, что многие из этих лексем находятся в стадии грамматической адаптации: *И море было не морем, а оушеном (75); На самом пляже, то есть на биче, не было ни души (75); Для остального пипла – сигаретки по два червонца (50)*, а некоторые (*супермен, имидж, триллер, офис, супермаркет*) за прошедшие со времени написания повести тридцать лет уже «прижились» в русском языке.

Использование подобных слов подчиняется двум правилам: с одной стороны, они отражают принадлежность к определенному социальному слою, с другой – призваны показать, что события относятся к другому миру: *Дело происходило ... среди чуждых нам пальм, и море было не морем, а оушеном, прибой – серфом, пляж – бичем, а окружающей действительность – Канарскими островами. ... Все эти заветные термины легко было перевести на язык родных осин, но зачем? (75).*

Большинство из приведенных иноязычных вкраплений даны без перевода или комментария, так как широко употребительны в речи молодежи (ср.: *супермен, офис, кар, пипл* и др.). Примечательно и то, как мирно данные англицизмы в пределах одного предложения уживаются с русскими просторечиями: *пипл свалил на стриптиз, прикинуться старменом, на биче не было ни души* и др.

Если помнить о том, что *английский у Зойки легкий, активный (50)* и по профессии она переводчица, то вполне естественны в ее речи и нетранслитерированные английские вкрапления, типа: *Она схохла, little, конечно же, joke, sir, не более того (57); – No comment, – сказала Зойка и тихонько прикрыла дверь (86). Той* читательской аудитории, которой адресована повесть, несомненно, хорошо знакомы не только данные, но и многие другие англицизмы, поэтому отсутствие транслитерации ничуть не усложняет восприятие, а, наоборот, производит впечатление естественности ситуации.

6. Анализ речевого портрета героини показывает, что ни образование (высшее гуманитарное), ни должность не являются гарантией чистоты речи, соответствия ее нормам литературного языка: практически все высказывания Зойки переполнены просторечиями (так, к сожалению, подтверждаются опасения лингвистов относительно бу-

душности русского языка): *Твой эксперимент, Свен, на хрен провалился (73); Сначала требовалось просечь, что она уже не на Канарах (78); Никто не допер реки водярой заполнять (63); – А ничего, блин! – разорялась Зойка (57); Захотел покадриться? (60); По небу долго летала какая-то светящаяся хреновина (62); Может, тайно позвонил он домой директору и заму, пока по утрянке липтон дул? (68); Что стряслось? Пережрал, болезный? (53) и др.* Безусловно, в спонтанном разговоре просторечия достаточно частотны, но в данном случае читателю предлагаются не единичные примеры, а нарочитое их нагнетание; не добавляя ничего нового к речевому портрету героини, подобные лексемы вызывают закономерное раздражение у представителей старшего поколения и иллюзию «новой нормы» у подростков: если так написано, то так и нужно говорить. Вот еще несколько примеров из повести: *левак; талдычить про перестройку; алкаш; хабалка; ржет ('смеется'); жратва; ассортимент похреноее; бухнуться на колени; загваздать обивку; поперла бульдозером; выпендриваться; выдрючиваться; никак не мог дотумкать; ихняя планета; по-ихнему, по-буржуазному; трахнуть по голове чайником; вякать; ненасытная утроба; сигануть; присобачить; задрипанный отель; А вот вам фи-гу! – сказала Зойка; спер чайник со свистком и др.*

Значительно число просторечных глаголов движения: *привалили американцы (50), свалить на дачу (50), шлепать по траве (80), пошустрила к огоньку (64), в отпуск махнуть (73), рули в Академию наук (58), на кой черт она его к себе притаранила (54), слинять (58), подгробала к девятиэтажке (52).*

Нарочито просторечное произношение поддерживается и написанием: *Таких у нее в отеле под тыщу (79).* Некодифицированные морфологические формы единичны: *возьму-ка я саламандеров пару (87); Постной ветчинки всего полкилы на закуску (87).*

Не вызывает никакого неприятия у переводчицы и ненормативное слово-паразит *блин*: *– Заладил, блин (76); – А ничего, блин! – разорялась Зойка (57); – А тут сиди и отвечай, сколько в отеле сортиров, блин? (69); – Что, блин, угадала? (57) и т.д.* По всей вероятности, Зойка просто не может найти в своем лексиконе иных средств, выражающих эмоции.

7. Наибольшее изумление вызывает обилие слов и словосочетаний, несущих явный отблеск блатного жаргона. Подобных лексических единиц так много, что в совокупности с приведенными выше просторечиями они заставляют задуматься над вопросом, насколько же «гуманитарно» то образование, которое получила героиня повести, если ее речь фактически неотличима от речи какого-нибудь одесского

биндюжника 20-30-х годов. Вот, к примеру, некоторые из жаргонизмов, особенно часто встречающиеся в данном произведении: *подбить бабки, делать бабки, пофармить, ловить кайф, чувак, фикса, телки тусовочные, бдительные мусора, клеить, колись с ходу, отмазка* и др.

Практически все из перечисленных слов и словосочетаний приводятся в тексте без объяснений и комментария (видимо, предполагается, что адресат хорошо знаком с подобным метаязыком и не нуждается в семантизации этих лексических единиц). Зойка привычна к таким способам выражения мысли и даже литературное слово объясняет с помощью жаргонизма: – *Я ж пошутила, – на всякий случай объяснила она, – отмазалась, есть такой милый термин* (57). Приходится только пожалеть будущих переводчиков этой повести или тех, для кого русский язык не является родным (понять, например, фразу *отоспаться с большого бодуна* не так-то просто).

Мало прибавляют к раскрытию сюжета и ругательства, то и дело срывающиеся с нежных уст героини, что производит такие весьма странное впечатление: *Какой, к чертям собачьим, пришелец?* (58); *Черт вас всех побери!* (68); *На кой черт она его к себе притаранила?* (84); *Плюньте тому в рожу!* (50); *Хрен с вами* (51) и т.п.

8. В речи Зойки огромное количество самых различных существительных и словосочетаний, имеющих оценочное значение, чаще всего отрицательное. В ряде случаев такие оценочные слова смыкаются с ругательствами, что вызывает сомнение в необходимости столь широкого их использования на страницах художественного произведения, опубликованного в журнале для подростков. Вот некоторые примеры: *гнида-швейцар и не меньшая гнида гардеробщик* (92-93); *мужики-кретины* (59); *оглоеды* (51); *жлоб* 59; *сука старая* (51); *вот потому я этой сучке мохера дал 100 метров* (87); *за пятерку рожу скривит, гад* (50); *А сдачи с тройка не дал, вонючка* (51); *... преследуемый гадами-учеными* (58); *Секретарша, Мария Демьяновна, крыса крашенная* (66); *Довела начальника, стерва* (66); *И вовсе ему начхать на нас, совсем наплевать и нагадить, экспериментатору фигову!* (89).

9. Книжная лексика встречается редко и, как правило, в качестве синонима разговорной или нейтральной: *А буйство, похоже, ширилось: на реке орали на разные голоса, веселились, по-научному – релаксировали* (81); *Зойка из приемной исчезла. Нультранспортировалась* (67).

В речи героини можно отметить и устаревшие слова: *издеваться над немощным странником* (55); *Ошую и одесную Зойки торчали подсвеченные изнутри кабинки для переодевания* (75); *С десяток кто*

и что в ее головке ... алкали ответа (80); водочную реку возжелал (83); Свет в ресторане, обычно горевший днём и ночью, был потушен (92); Зойка открыла дверь и узрела личико регистраторши (93) и др. В некоторых случаях наблюдается использование в пределах одного предложения книжного слова и его нейтрального эквивалента: Зойка села в кресло, вытянула ноги, закрыла глаза (или куртуазнее к ситуации: смежила вежды? (54); Там, у Данте, грешники сильно маялись от содеянного ими ранее, а здесь – от несодеянного, то есть попросту несыделанного, но по-прежнему желаемого (85).

Особенно часты устаревшие местоимения: Таковых в Зойкином отеле оказалось немало (82); говорит сие нежно-высокопарно (67); Зойка сей фильм глядела (58); в сей милой дьяволиаде (86); Но тон сей был для Зойки некой защитной реакцией от разных вдруг (53) и т.п. В последнем примере и сформулирована основная, пожалуй, причина столь широкого употребления неcodифицированных элементов языка – они позволяют выгядеть своим среди своих. И если бы героиня вдруг заговорила на языке, представленном в существующих пособиях по речевому этикету, это означало бы, что она, по ее собственным словам, с ума слезла.

10. Интересны примеры метафорических переносов: наманикюренные коготки (84), гнездовье таксомоторов (64), джинсы отечественной перестройки (54), бараний порядок (84), ладное слово (69), колкая жалость (60), крутые ресторанные мальчики (63) и т.п.

В некоторых случаях слова в составе устойчивого словосочетания выделяются особым шрифтом, что показывает их использование в переносном значении: администраторы берут (50); Виделся он ей сейчас мужикам в доле (67); наши люди (50), взяла себе почеловечески (51) и др.

11. Что касается словообразования, то наибольший интерес вызывают окказиональные существительные: хотельщики, желальщики, мечтальщики (79), выговорешник (52), прилагательные: отельная анкета (54); сложные слова: киновова (58); супержелания (80); экспресс-решения (82); А в реальной жизни Зойка была прагматикам и матери-научно-верным-ленинским-алистом (70); ...был каким-нибудь физиком-химиком-кибернетиком (63); Зойка ощутила колкую жалость к выгнанному шведу-эстонцу-шпиону-инопланетянину (60).

12. В повести наглядно показано, насколько правила русского речевого этикета отличаются от тех, которые используются в реальной жизни.

Во-первых, весьма широко представлены самые разные варианты обращения. Это могут быть: 1) иноязычные вкрапления в сочета-

нии со словами и оборотами, принадлежащими к книжной или устаревшей лексике: *Халява, сэр (85); Чем могу, сэр?* 2) слова, относящиеся к народно-поэтическому пласту: *Скорую тебе позвать, а, милый? (53); Чтостряслось? Пережрал, болезный? (53); Куда ты меня везешь, ласковый? (51);* 3) жаргонизмы и просторечия: *Надо, чувачок, надо, кисанька (71); Все, девки, живите сегодня без меня (96);* 4) уменьшительная форма личного имени и отчество: *Зоинька Александровна, а он правда уехал? – не утерпела Лена (78);* 5) уменьшительные и ласкательные формы личного имени, образуемые по русской модели от нерусского имени *Свен: Свеничек (85), Свенушка (73), Свенчик (70);* 6) ненормативное обращение со стороны пассажира (вернее, пассажирки – Зои) к шоферу такси: – *В Марьину Гоцу, командир! (69).*

Во-вторых, расширены границы обращения на *ты*. В зависимости от своего отношения к пришельцу, героиня обращается к нему то на *вы*, то на *ты*: *Зойкины перескоки с вы на ты и обратно внешне ничем не мотивированные, они тем не менее отражали на текущий момент Зойкины высокие чувства, Ты – это гамма от презрительно-неуважения, взгляда свысока, похлопывания по плечу до восхищенного дружелюбия, лихого панибратства, замешанного на откровенно приязни. Вы – это отчужденность, холодность, безразличие и – одновременно – настороженность, кошачья опасливость и, к слову, тоже неуважение и пренебрежительность (67).* Впрочем, филологическое образование все-таки дает себя знать, и Зойка выбирает нужную форму обращения: *На вы перешла, зауважала (55).*

Таким образом, в речевом портрете героини повести С. Абрамова «Человек се звезды» ярко отражены особенности русского разговорного стиля конца XX века: катастрофическое сокращение словарного состава и формирование своеобразного метаязыка, на котором говорят персонажи произведений, предназначенных для молодежи. Этот язык, насыщенный жаргонизмами, просторечиями, варваризмами и пронизанный иронией и сарказмом, становится все более далеким от языка Пушкина, Лермонтова, Гоголя. И возникает риторический вопрос: а можно ли считать произведения такого рода собственно художественной литературой, если понимать под последней искусство слова?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшекласника в аспекте ее речевых реализаций : на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара : автореферат дис. ... кандидата филологических наук :

10.02.19 / Тарасенко Татьяна Петровна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2007. - 25 с. Теория языка

2. «МЫ» – №5-6, 1990.

**SPEECH PORTRAIT OF A LITERARY HERO (BASED ON THE STORY
"THE MAN FROM THE STAR" BY S. ABRAMOV)**

V.M. Kasyanova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: vkasianova@mail.ru

The article provides a speech portrait of the heroine of S. Abramov's story "Man from the Star" (1990). The features of the heroine's speech behavior are revealed, examples of lexico-phraseological units that determine the originality of her speech behavior are given, the refraction in her speech of typical formulas of speech etiquette characteristic of the Russian literary language is shown.

Keywords: speech portrait, speech behavior, speech etiquette, vocabulary and phraseology of the Russian language, fiction.